

Николай Константинович ФРОЛОВ —
заведующий кафедрой общего
языкознания филологического
факультета, доктор филологических
наук, профессор

УДК 801.311

ЭНДЕМИЧЕСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АПЕЛЛЯТИВЫ В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА

АННОТАЦИЯ. В статье предложено комплексное описание части географической терминологической и номенклатурной лексики, функционирующей в мансийском, хантыйском, ненецком, селькупском и русском языках и говорах жителей Тюменского Севера.

Предложена оригинальная группировка географических апеллятивов по их семантике и функции в обозначении географических реалий.

The article offers a detailed description of geographical terminological obligatory vocabulary, functioning in Mancsi, Khanti, Nenets, Selkup and Russian and dialects of those living in the North part of Tyumen Region.

An original grouping of geographical names with their semantics and functioning is given in the article.

Ставший в недавнем прошлом широко используемым топонимический термин «географический апеллятив» представляет собой номинативный знак географической реалии, который в финно-угорских и самодийских языках может быть автономной лексической единицей, составной частью наименования географического объекта, будучи детерминативом, формативом или атрибутивом в сложном по образованию назывном слове (9, с. 61-71). В топонимических штудиях географические апеллятивы обычно соотносят либо с географической терминологической (терминами), либо номенклатурной (номенами) лексикой.

Географические термины — это нарицательные имена существительные (реже — имена прилагательные), то есть слова (словосочетания), известные в любом языке как названия объектов земной поверхности — типов ландшафтов (гор, равнин, лугов и т. п.), водных источников (рек, озер, болот и т. п.), антропогенных сооружений (городов, деревень, каналов и т. п.). Учитывая функциональные особенности, степень распространения и употребительности специальной географической лексики в языке и живой речи, термины дифференцируются на родовые и видовые (4, с. 100): а) родовые термины обозначают крупные элементы рельефа, гидрографии, почвенно-растительного покрова (вершина, залив, тайга); б) видовые термины номинируют менее значимые, локально ограниченные компоненты природной среды (гребень, старица, урман). С логико-лингвистической позиции корректно деление физико-географических терминов на родовые понятия, т. е. слова, обозначающие возвышенности, равнины, леса, типы больших водных источников (гора, хребет, увал, степь, поле, луг, море, река, озеро, лес, роща и т. п.), и видовые понятия, т. е. слова, обозначающие локальные географические реалии (бутор, лощина, пойма, пагун, тягун и т. д.). Родовые понятия-термины характеризуются узальным, а видовые — диалектным статусом функционирования.

Известны и иные подходы к систематизации географических терминов и номенов (8, с. 41), которые группируются более подробно или более обобщенно, с учетом диахронии и синхронии, а также национально-языковой специфики.

Относительно положения номена в лексической подсистеме языка суждения достаточно неоднозначны (см. 2, 3, 5 и др.). Так, Р. Е. Березникова в особую группу выделяет специальную лексику, представляющую собой совокупность наименований конкретных предметов отраслей сферы знаний, имея в виду номенклатурные лексические знаки-номены, то есть слова из области отраслевой номенклатуры (1, с. 185). Применительно к нашему материалу номенами следует считать в основном видовые понятия автохтонного характера.

А. В. Суперанская указывает, что основное свойство номенов — ослабленная связь с понятием (видимо, научным — Н. Ф), обозначением класса объектов. Основные же свойства терминов — усиленная связь с понятием, соотношение с классом объектов, отсутствие связи с единичным, конкретным объектом (6, с. 32). Однако такое разграничение термина и номена не обеспечивает прозрачности границ между ними, ибо те и другие, будучи нарицательными именами — географическими апеллятивами, обозначают разряды в принципе однородных реалий, хотя и отличаются функциональной неоднозначностью, неадекватной предметной соотнесенностью, степенью распространенности и употребительности.

При сопоставлении звучания и интерпретации значения географических апеллятивов нельзя не учитывать лингвистические процессы универсализации в ходе исторического формирования лексики как в генетически родственных, так и типологически неродственных языках. В зоне межъязыковых контактов, как правило, обнаруживаются лингвистические явления, порожденные фактами взаимопроникновения и взаимообогащения лексики, фразеологии, морфемики и фонетики в языках и диалектах контактирующих этносов. Такие явления катализируются природно-географическими и этнографическими факторами. Межэтническое взаимодействие, с одной стороны, высвечивает уровни влияния одного языка на другой и характеризует, с другой стороны, устойчивость, автономность функционирования того или иного языка.

Взаимовлияние языков в условиях этнических контактов порождает формирование территориальных языковых универсалий, известных в лингвистике как «балканизмы», «галлицизмы», «сибиризмы» и т. п. Нечто аналогичное наблюдается в наших материалах, когда речь идет о фонетико-морфологических и лексических универсалиях, называемых нами условно «урализмами», имеющими непосредственное отношение к уральской группе языков, локально ограниченных исторической Обдорией, Югорией, Мангазеей (ср.: вах.-хант. *вач*, васюг.-хант. *ваш*, сург.-хант. *воч*, манс. *ус*, *уш*, коми-зырян. *вош* — город).

С учетом вышеизложенного нами делается попытка паспортизации и описания географических апеллятивов, включая первичный сопоставительный анализ, которые засвидетельствованы в устной и письменной речи населения Тюменского Севера. Это переведенные на русский язык (в русской огласовке) термины и номены мансийского и хантыйского, ненецкого и селькупского происхождения. Фактический материал взят из картотеки кафедры общего языкознания Тюменского университета, накопленной студентами, в том числе и под нашим руководством в 1970-90-е годы, а также

из изданных и рукописных архивных источников. В нашем распоряжении оказалось около 200 слов и словосочетаний, имеющих отношение к обозначению типов ландшафта, водных источников и поселений.

Анализируемые лексические единицы функционируют в автономном лингвоэтническом режиме или в составе ономастических словосложений, например, манс. *сойм* «река», *Ворнасойм* «воронья река»; хант. *горт* «деревня», *Кавригорт* «Гаврилы деревня»; ненецк. *то* «озеро», *Сэрокото* «белое озеро»; селькуп. *мат* «дом», *кы* «река», *Келматкы* «рыбная у дома река». Переводы на русский язык терминов и номенов, помимо полученных от информантов, проверялись по словарям: А. Н. Баландин и М. П. Бахрушева. Мансийско-русский словарь. Л., 1958; Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кудакова. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. Л., 1982; Н. И. Терешкин. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981; М. К. Могутаев. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск, 1996; С. П. Молданова, Е. А. Немысова, В. Н. Ремезанова. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Л., 1983; С. И. Ириков. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Л., 1988; Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М., 1965; Л. В. Хомич. Ненецко-русский словарь. М., 1954; Русско-коми словарь. Сыктывкар, 1966; Русско-коми и коми-русский словарь. Сыктывкар, 1994; Венгерско-русский словарь (ред. Ласло Гальди). Москва-Будапешт, 1974. Сверка переводов терминов и номенов осуществлялась с опорой на словари: Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов. М., 1984; М. Ф. Розен, Д. М. Малолетко. Географические термины Западной Сибири. Томск, 1986; Л. И. Розова. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в мансийских, хантыйских и селькупских топонимах. М., 1973.

Географические апеллятивы являются частью лексической подсистемы языков и диалектов автохтонных жителей региона. Поэтому их фонемика, морфемика и семантика анализируются посредством приемов, применяемых для других разрядов лексики. Однако тематическая группировка географических терминов и номенов может быть осуществлена по-разному: как с учетом семасиологического, так и ономасиологического критериев. Предложенный нами ранее иерархический принцип таксономии русских географических апеллятивов основан на дистрибуции географической номенклатуры и терминологии по их соотношенности с родовыми и видовыми понятиями, функциональной связи с узуальностью-локальностью употребления, членением отапеллятивных онимов на лексические, семантические и словообразовательные диалектизмы (8, с. 38–43). Однако подобный аналитический подход к дифференциации самодийской, селькупской, обско-угорской географической лексики может оказаться менее эффективным ввиду недостаточной изученности говоров и в целом младописьменных языков народов Тюменского Севера.

Накопившийся опыт тематических классификаций позволяет на современном синхронном срезе предложить для удобства их интерпретации ряды географических апеллятивов, их локальную привязку. Важно обнаружить семантическое сходство в номинации однородных объектов, как и различие звучания и значения номинативных единиц в контактной этнолингвистической ситуации. Попутно заметим, что эндемические географические апеллятивы — неисчерпаемый источник пополнения научной географической терминологии младописьменных языков, региональной ойконимии, гидронимии и этнонимии. Региональная терминология и географическая номенклатура, как естественно-природная, так и искусственная, характеризуются обилием слов-синонимов, особенно в сфере номина-

ции гидрообъектов, информация о которых актуальна в хозяйственной деятельности аборигенного населения, которое накопило многовековой опыт детализированного обозначения географической реалии. В рамках объема статьи попытаемся сгруппировать номинативные лингвоэтнические знаки, относящиеся к характеристике ландшафта, гидрообъектов и поселений. Разумеется, такая тематическая систематизация скорее всего нацелена на объединение самых близких по статусу объектов, нежели на семантизацию лексических единиц, называющих географические объекты.

1. Слова и словосочетания, обозначающие типы водотока — реки, речки, рукава, ручьи, притоки, протоки, ключи, иные источники, включая обозначение их особо отличительных частей. Для северного жителя в названии водотока может содержаться полезная информация: ширина, глубина, судорожность-несудорожность, цвет воды, наличие-отсутствие рыбы и т. п. Для лингвиста здесь важна вариативность лексемы, ее диалектная окраска:

а) в мансийских наречиях и говорах: *ари** «речка», *ас* «большая река» (Обь), *ах/ахт* «небольшая речка, протока, соединяющая с озером или рекой», *лопынг* «речка, вытекающая из озера», *посал* «протока», *сойм/союм* «ручей», «родник», *сос/шош* «ручей», «речка», *сунт* «устье реки», *тара*, *том* «прорва», *урей* «старица реки», *я* «река», *ялуп* «ключ», «родник»;

б) в хантыйских наречиях и говорах: *аган* (вост.-хант.) «река средней величины», *ас* «большая река» (Обь), «большая протока», «рукав реки», *вущар* «водоворот» (вост.-хант.), «заводь» (сург.-хант.), «ключ-родник» (вах.-хант.); *ега/яга/ях/ех* «речка», *еган/ехан* (вах.-хант.) «река», «крупная река»; *егон/егун* (сург.-хант.) «река средней величины» (ср.: диалектные варианты: *юган/яган* (шурышк.-хант.) «большая река»; *ягун/яун* (сург.-хант.) «речка», *игай* (вах.-хант.) «речка», *игол* (вост.-хант.) «приток реки», *ял* (вах.-хант.) «ключ»; *инк /инк /ик* «вода» (ср.: ненецк. *и*, манс. *вит*, венг. *виз*, селькуп. *ут/ун* «вода»); *лемынг* (казым.-хант.) «река», *мугот/мухат* «новое русло», «прорва» (ср.: *урий/уры* «старое русло»), *нех/неух/нёх/них* (вост.-хант.) «таежная река», *пан* «озерная протока», *пасол* (диалектные варианты: *посал*, *посл*, *пост*, *посыл*, *посыт*, *пусл*) «протока», «рукав реки»; *лев/леу* (сург.-хант.) «родниковый ручей», *сав/сау* (вах.-хант.) «речка, вытекающая из озера», *сан* (вост.-хант.) «исток», *сигат/шигат* «озерный ручей», *тягел* «озерная речка», *шиш* (салым.-хант.) «быстротекущая речка», *шош* (шурышк.-хант.) «речка»;

в) в ненецких диалектах и говорах: *бей/пей* «речка», «вода», *енга* «ручей», *лохорта* «родник», *мал* «исток», верховье реки, *народ* «протока», *се* «озерная речка», «протока», *сэхэко* «речка», «протока», *тарха* «приток», *юн* «протока», *ям* «полноводная большая река» (ср.: ненецк. *Сальям* — Обь, *Ензяям* — Енисей, *Тасуям* — Таз, *Гыдаям* — Гыданская губа), *яха* «река» (всякая), *яхако* «ручей»;

г) в тазовско-баишенском наречии селькупов: *сак* «устье реки», *ангы* «протока», *бей/пей* «река», *етир/тери* «родник-живун», *кар/кор* «приток, развилка», *каты/кэты* «нерестяная речка», *квай* «глубокая река», *колд/колт* «большая река», р. Обь (ср.: диалектные варианты: *колта*, *колту*, *кольд*, *кулд*; Розен М. Ф., Малолетко А. М., с. 50); *колты* «река, текущая в море» (ср.: селькуп. *Русил Колты* «русская река», *Пулкас-колты* «каменная река», т. е. Енисей, *Пур-колты* — р. Пур, *Тас-колты* — р. Таз); *кола/кора* «изгиб реки», *кы* «река» (общее название любой реки), *кыге/кыке/кыкке* (ср.: диалектные варианты: *кеге*, *кика*, *кике*, *кикеле*) «ключ», «родник», «ручей»; *кэти* «болотная речка», *мун* «изгиб реки», *отыры/этыр* «ключ-родник», *ратта* «водоток, течение», *сетти* «пря-

*Здесь и ниже неславянская лексика приводится на кириллице в русской огласовке — Н. Ф.

мая река», сой «исток», тэми «протока», «рукав реки», «ключ-родник» (ср.: татарск. *тамак* «горловина, устье реки», кетск. *том* «река»), *тонты* «речной порог», *ундж* «ручей».

Важно отметить тот факт, что количество знаковых единиц для проточных источников в языках и диалектах аборигенного населения Тюменского Севера не совпадает: манси обозначают водотоки не менее чем 14, ханты — 25, ненцы — 12, селькупы — 18 словами. Возможно, это обстоятельство связано с неодинаковой экономической значимостью речных водотоков в хозяйственной деятельности севернотюменских этносов, спецификой их языков, либо обусловлено неполнотой информации, касающейся фиксации конкретных лексических знаков, имеющих отношение к подобному роду гидрографических реалий.

Набор русских по происхождению или употреблению гидроапеллятивов более ограничен — *река, речка, ручей, курья, ключ, родник, живун, исток, талица*, хотя очевидно диалектное разнообразие семантических вариантов наименований специфических участков водотока: *вершина* «исток, верх реки», *ворота* «узкое, сжатое русло реки», *гай* «речка, рассекающая рощу, дубраву», *жерло* «главной рукав реки», *кривун, кривляк* «изгиб, излучина реки» (то же: *прилук*), *хомутина (хомутинка)* «русло реки, загнутое подковой» и др.

2. Номинативные знаки, детализирующие типы непроточных, относительно замкнутых гидроисточников — болот, заливов, лиманов, озер, стариц:

а) в мансийской лексической подсистеме: *внты амарин яныг* «лог», «залив», *воль* «речной или озерный плес», *кельг/кельх* «травянистое моховое болото», *нял* «моховое болото», *нюрум* «заболоченный луг» *лайга* «заросший участок болота», *лок* «курья, глухой залив», *рось* «песчаная отмель», «песок», *туман* «большое проточное озеро», *тур* «озеро», *урай* «старица», *яныг кельг* «большое болото»; *хулы* «канавы» (ср.: канал «хилым яныгхулы»);

б) в хантыйской лексической подсистеме: *вэры/урий/уры* (вост.-хант.) «старое русло», «старица», «заливчик», *кал* (зап.-хант.) «чистое безлесное болото», *кей* (вост.-хант.) «болото», *кеяли* «болотце», *келек* (сург.-хант.) «чистое моховое болото», *куй* (вах.-хант.) «болото», *лайга* (вах.-хант.) «мелкое озеро», *лар/лор* «озеро средней величины», *лок/лоок/лох* «залив», «пересыхающее болото» (сург.-хант.) «омут» (вах.-хант.), «яр», «крутой берег» (манс.); *мальнг* (казым.-хант.) «озеро», *нерим* (шурьшк.-хант.) «болото», *нером мув.* (казым.-хант.) «заболоченная тундра», *нюрим* (сург.-хант.) «болото», «тундра»; *сат* «отгороженный водоем для пойманной рыбы» (ср.: русск. «садок»); *сор* «заливной луг» (сург.-хант.), «озеро-старица» (окт.-хант.), «мелководное озеро» (русск.); *тар/тор* «крупное открытое озеро», то же, что и *лор* (зап.-хант.), *тох/тоух/тух* (вост.-хант.) «небольшое озеро», *эмтор/эмтэр* (диал. *ендырь, ентарь, энтир*) «большое глубоководное озеро»;

в) в ненецкой лексической подсистеме: *ванга* «залив», *лайга* «отлогое место около залива», *лымбаг* «болото», «трясина», *нялэй* «лиман», *пах* «маленький залив», *сабол* «болото», *то* «озеро», *яму* «залив»;

г) в селькупской лексической подсистеме: *аккы/эккы* «озеро-старица», *касы* «большой залив», *кусере* «залив», «курья», *кэй* «плес», *лимпе* «болото», *кэмый оккы, каттый* «рыбная старица», «трясина», *сор/сэр* «болото», *то/ту* «озеро», *чвор* «старица», *чакы* «болото».

Территория Тюменского Севера характеризуется исключительной плотностью непроточных водоемов. В источниках обычно указывается свыше 300 тыс. поименованных и безымянных болот и озер. Однако в языках автохтонных жителей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных

округов столь многочисленные гидрообъекты, включая их примечательные участки, лингвистически обозначены сравнительно небольшим числом апеллятивов, в том числе на мансийском языке — 10, хантыйском — 9, селькупском — 6 номинативными единицами. В русских говорах этого региона известно свыше 30 географических терминов и номенов: *болото (болотина), губа, завоина, залом, зато́к, затон, курка, лива (лыва), лиман, ляга, мочаг, озеро (озерко), омут (омутина), отного, песок (рыболовный), плес (плесо), пруд, ржавец, рям, садок, согра, старица* и др. И. А. Воробьева отметила в русских говорах Среднего Приобья около 50 аналогичных географических апеллятивов (Воробьева, с. 69).

Обращает на себя внимание тот факт, что современная гидрографическая терминология и номенклатура обских угров, ненцев и селькупов в лингвистическом отношении представляют собой исторически сложившуюся автономную группу слов, лишь в отдельных случаях проникающих из одного языка в другой язык. Так, близкими по значению и относительно схожими по звучанию в хантыйских и мансийских диалектах можно считать манс. *Ась*, хант. *Ас* — «река Обь», манс. *сойм (союм)* «родник-ручей», хант. *Саим (соим)* «ручей», манс. *посал* «протока» — хант. *пасыл/посыт* «рукав реки», «протока»; манс. *урай/урей* «старица» — хант. *вэры/урий/уры* «старое русло»; манс. *кельг/кельх* «травянистое моховое болото», хант. *янг кельг* «большое болото»; хант. — *келек* «чистое моховое болото»; манс. *няр* «моховое болото», *нюрум* «заболоченный луг» — хант. *нерим/нерым* «болото», *нером* «заболоченная тундра», манс. *сос/шош* «речка», салым.-хант. «быстротекущая река», *шош* (шурышк.-хант.) «речка».

Ненецко-селькупские параллели в обозначении гидрообъектов также незначительны: ненецк. *ванга* «залив», *енга* «ручей» — селькуп. *ангы*, «протока», ундж «ручей», ненецк. *се* «протока» — селькуп. *сой* «исток», ненецк. *то* «озеро» — селькуп. *то/ту* «озеро». Среди хантыйско-селькупских относительно близких семантически и фонетически географических апеллятивов можно выделить следующие наименования гидрообъектов: хант. *кал* «чистое болото» — селькуп. *кола* «изгиб реки, затон»; хант. *сав /сау* «речка» — селькуп. *сой* «исток»; хант. *сор* «заливной луг» — селькуп. *сор/сэр* «болото»; хант. *вэры* «старица» — селькуп. *чвор* «старица», «соровое озеро».

Вместе с тем в региональной географической апеллятивной лексике имеются свидетельства весьма древних этнолингвистических контактов, породивших урализмы, которые с известной мерой условности этимологизируются многими авторами. Действительно, современное звучание родовых терминов — «вода» (ср.: ненецк. *и*, хант. *ишк/ик*, манс. *вит*, венг. *виз*, селькуп. *ун/ут*), коми *ва* «река» (ср.: манс. *я*, венг. *е*, коми, удмурт. *ю/юг*, хант. *еган/юган/ягун*, ненецк. *яха*, фин. *йоки*, селькуп. *кы/кыкке*) «озеро» (ср.: манс. *тур*, хант. *тор/лор/сор*, венг. *ар* «поток», ненецк. *то*, селькуп. *то/ту*, коми-зырян. *шор* «река»; удмурт. *шур* «река») — дает возможность реконструировать архетипные формы данной группы апеллятивов.

3. Географические термины и номены, обозначающие разновидности ландшафта:

а) в мансийских говорах : *аврах* «крутой берег», «яр», *ас* «дыра», *ахв-тас/ахутас* «камень», «скала»; *вата* «местность», «край», *вонгха* «яма», *кев/кех* «камень», *керас* «гора», «утес», *нак* «уступ на склоне горы», *нел* «мыс», «отрог горы», *нер* «гора, цепь гор», *патта* «подножие горы», *састум* «ровное место», *сис* «горный хребет» (спина), *сув* «(лосиное) пастбище», *сахл /сяхль* «остроконечная вершина горы»; *тумл* «отдельная возвышенность», «остров», *талях* «вершина», *ур* «гора, хребет», *хара* «тундра»;

б) в хантыйских говорах: *кав/кев/кеу* «камень», *вэн кев* «скала»; *нел* (зап.-хант) «мыс», *нюль/нялы* «топь», «низкое место», *нях/няш(а)* «топкое место», *охт/охыт* «волок», *пай* «бугор», «куча», «остров», *пайлы-тахы* «равнина», *шл-тахы* «низина», *пухар/пухыр* «остров», *рап* (рэп) *сангхум* «гора», *саим* (вост.-хант.) «овраг»;

в) в ненецких говорах: *ванг.* «овраг», *вар* «берег», *вы* «тундра», *есер* «низина», *ерсей* «ложбина в тундре», *лалта* «равнина», *мара* «песчаная отмель», *наго* «яр», *нго* «остров», *лензя* «лог, овраг», *пай/пэ* «камень», *сале* «мыс», *сега/седе* «сопка, холм», *ся* «крутой берег», *хой* «горка, сопка», *я* «земля, материк»;

г) в селькупских говорах: *ке* «гора», *котлас* «почва», *кэн мэнты* «обрыв», *лымля* «топь», *манка* «гора», *маркы* «остров», *маты* «обрыв», *мач/мачи* «яр», *нуркый тэтты* «равнина», *сапки* «низина», *сок* «мыс», *тэтол* «холм», *тэтты* «земля, почва», *шторма* «перевал», *хори* «тундра», *чурьит сонг* «коса», «отмель».

Судя по количественным лексическим показателям, обозначающим рельеф северной части Тюменской области (манс. ок. 20, хант. ок. 15, ненецк. ок. 15, селькуп. ок. 15 номинативных единиц), характер поверхности отличается плоскими, идеально ровными чертами, расчлененными незначительными впадинами, долинами, и низинами, за исключением зауральских гористых мест, отличающихся возвышениями (сопками, холмами, буграми). В русских диалектах той же территориальной привязки известны следующие географические термины и номены: *веретья* (*вереть*, *веретик*) «вытянутые на болоте гряды», *вершина* «верх горки»; *взвоз* «крутой подъем на дороге», *глядень* «открытое возвышенное место», *голец* «безлесная вершина холма», *гора* «значительная возвышенность», диал. «относительно высокое место на равнине», *грива* (*гривина*) «вытянутая вдоль водоема, в лесу небольшая возвышенность», *елань* «поляна», *елбан* «крутой холм»; *камень* «горный хребет», *кулига* «поляна», *курган* «холм», *лог* «обрыв», *мыс/нос* «выступ, возвышение», *остров* «возвышенное место», *пагун* «овраг», *падь* «балка», «изрезанная оврагами местность», *полдень* «склон горы», *солонец* «ровный участок засоленной почвы», *сопка* «холм», *стель* (диал.) «безлесная ровная местность», *стрелка* «мыс при слиянии реки», *тягун* «длинный подъем», *увал* «протяженная возвышенность», *яр* «обрыв», «высокий крутой берег» (всего свыше 25 номинат. ед.).

4. Номены и термины, называющие типы селений и жилых построек:

а) в мансийских говорах: *кол/колнак* «дом» (ср.: *кол олне хурип ма* «жилище»), *мань колкве* «домик», *павы/пауль* «деревня, поселок», *ус* (*мир олне ус*) «город» (ср.: *халь уш* манс. название пос. Березово);

б) в хантыйских говорах: *вач* (вах.-хант.), *ваш* (вост.-хант.), *воч* (сург.-хант.), *вош* (казым.-хант.) «город» (ср.: то же коми-зырян. *вож*, манс. *уш*), *кор* (казым.-хант.), *курт* (шурышк.-хант.), «деревня» (то же: коми-зырян. *горт*), *пугол/пухил/пухол/пухыл* «селение», *хот* «дом», «промысловая избушка»;

в) в ненецких говорах: *мар* «город», *мячума/мяды* «старое стойбище», *хард* (*харад*) «дом», «селение»;

г) в селькупских говорах: *ет/етта*, *еты/ега/еды* «деревня», *карама* «землянка», *кетты* «город», *мот* «дом», *теп мот* «летний берестяной чум».

Из перечня наименований поселений в языках аборигенов Тюменского Севера (манс. — 5, хант — 5, ненецк. — 4, селькуп. — 4 номинативных единицы) видно, что кочевой и полукочевой в недалеком прошлом образ жизни обусловил состав лексики этого семантического поля. В русских го-

ворах региона заметно влияние общерусского словаря и заимствований из языков местных этносов: *бутырки, деревня, выселок, город, городок, заимка, зимовье, кордон, новоселки, острог, погост* (жилые постройки около кладбища), *починок* (изначальное поселение), *село, слобода, стан* (*станец, станца, станок*), *стойбище, хутор, чум, юрт*.

Таким образом, эндемические материалы на современном синхронном срезе свидетельствуют о функционировании автохтонных в этнолингвистическом плане систем терминологической и номенклатурной лексики. Взаимодействие географических апеллятивов можно квалифицировать как спорадическое явление, хотя в процессе длительного лингвистического контактирования сохранились незначительные лексические реликты прауральской языковой группы.

Мы исключили интерпретацию апеллятивной лексики, касающейся обозначения предметов быта, хозяйственных орудий, эндемической флоры и достаточно богатой фауны. Однако это обстоятельство не искажает общей картины языкового взаимодействия автохтонного населения. Географические термины и номены, будучи словами и словосочетаниями, сплошь и рядом номинативны (Толстой, с. 18). Они призваны служить знаком разграничения природной среды. Это достоверный исторический пласт лексики, тесно связанный с жизнью и деятельностью местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березникова Р. Е. Место номенов в лексической системе языка // *Имя нарицательное и собственное*. М.: Наука, 1978.
2. Бондарук Г. П. Русские местные географические термины в топонимии Центра // *Топонимия Центральной России*. М.: Мысль, 1974.
3. Воробьева И. А. Западносибирские нарицательные географические термины, относящиеся к водным объектам // *Языки и топонимы Сибири*. 3. Томск, 1970.
4. Мурзаев Э. М. *Словарь народных географических терминов*. М.: Мысль, 1984.
5. Розен М. Ф., Малолетко А. М. *Географические термины Западной Сибири*. Томск, 1986.
6. Суперанская А. В. *Апеллятив-онома* // *Имя нарицательное и собственное*. М.: Наука, 1978.
7. Толстой Н. И. *Славянская географическая терминология*. М.: Наука, 1969.
8. Фролов Н. К. *О путях классификации географических терминов и номенов* // *Языки и топонимия Алтая*. Барнаул, 1981.
9. Фролов Н. К. *Стратиграфия автохтонной топонимии нижнего Пообья*. Красноярск, 1986.
10. Он же: *Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья*. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1996.

*Александра Павловна УШАКОВА —
доцент кафедры общего языкознания
филологического факультета ТГУ,
кандидат филологических наук*

УДК 808.2-5

О СВЯЗИ МЕСТОИМЕНЕЙ ЕГО, ЕЕ, ИХ С ОПРЕДЕЛЯЕМЫМИ СЛОВАМИ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется не получивший однозначного решения вопрос о связи местоимений *его, ее, их* с определяемыми словами. Привлекаются диалектные, исторические данные, а также материал, извлеченный из произведений современной художественной литературы.